

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации

Кричевского Григория Александровича

«Формообразующие стратегии эпистолярной прозы русского модернизма (М. Кузмин, Д. Хармс, М. Цветаева, В. Шкловский, В. Набоков)», представленной к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Общая характеристика оппонируемого исследования – оригинальное по проблеме, концептуальное по содержанию, завершённое в границах, определяемых целью и производными от неё задачами, убедительное в доказательстве выдвинутых положений, в целом, состоявшееся.

В этом убеждает глубокое теоретическое осмысление проблемы, получающее своё композиционное развёртывание в диссертационных главах и параграфах и подтверждённое анализом и аргументированной интерпретацией историко-литературного материала, а также научные результаты и обобщающие выводы, перспективные для разработки проблемы на ином историко-литературном материале, для осмысления принципов формообразования и смыслопорождения в эпистолярной прозе как таковой.

Актуальность, научная новизна, теоретическое значение и практическая значимость исследования прописаны диссертантом с исчерпывающей полнотой и чёткостью и не вызывают возражений.

Конкретизирую общую характеристику работы следующими дополнениями.

1. Эпистолярная проза в целом – исключительно сложное в поэтологическом отношении явление, тем более, в постриторическую эпоху, и исследование механизмов её порождения, функционирования и восприятия постоянно нуждается в профессиональном внимании. Интерес к эпистолярию, равно как и к мемуаристике, значительно активизировался в последнее время в контексте общегуманитарной тенденции к исследованию фактурного существования человека в его ежедневных взаимоотношениях с конкретными реалиями современной ему истории. В этом плане обращение Кричевского Г.А. к проблеме эпистолярной традиции является несомненно актуальной.

2. Столь же несомненна научная новизна диссертации. И заключается она в целом в системном подходе к постсимволистской эпистолярной прозе как объекту научной рефлексии. Её обоснование онтологией и эстетикой модернизма расширил возможности её проблемного исследования не только в

соответствующих её содержанию аналитических параметрах, но и в соотнесенности с индивидуально-авторскими модусами художественного мышления, что обусловило оригинальные и значимые результаты, сформулированные в поглавных резюме и итоговых выводах.

3. Изложение идей и концепций своих предшественников, их аналитическое прочтение сопровождается или обобщается собственными суждениями, проясняющими, расширяющими или уточняющими позицию диссертанта в отношении тех или иных вопросов, так или иначе связанных с исследуемой проблемой.

4. Репрезентативный выбор конкретных текстов для анализа и интерпретации, продиктованный целью и задачами диссертации и обусловленный внутренней логикой исследования, придает теоретическим рассуждениям убедительный характер, удостоверяет их научную правоту. В частности отмечу продуктивное применение контекстуального и компаративного методов, уместное привлечение инонационального историко-литературного материала.

5. Прослежена и теоретически осмыслена практическая история модернистского эпистолярного жанра, а именно, обозначены и систематизированы его поэтологические новации (метанарратив, «двойной нарратив», стилизация и др.), соотносимые, с одной стороны, с художественными принципами прозы XX века, шире – с модернистским мирообразом, а с другой, с пушкинской трансформацией современной ему эпистолярной традиции. В этом плане можно утверждать, что поставленная цель диссертации достигнута, сопутствующие ей задачи решены, выдвинутые положения доказаны.

Основные результаты исследования отражены в печатных изданиях и в конференциальных докладах. Соискатель имеет по теме диссертации 4 опубликованные статьи в рецензируемых научных изданиях ВАК РФ, включенных в МЦБ. Материалы диссертации апробированы на трёх международных научных конференциях.

Автореферат в полной мере отражает основные положения диссертации.

В целом работа отличается филологической эрудицией, вызывает профессиональное приятие, многие суждения и наблюдения инициируют встречные размышления, некоторые из которых изложу в качестве замечаний и советов.

1. С. 13–14 диссертационного текста: «В отличие от реализма и натурализма (во многом базирующихся на философии позитивизма) модернисты на первое место ставят *субъектный фактор*, предполагая, что именно он детерминирует образ и тип реальности. Говоря иначе, субъект оказывается первичной данностью, от которой как бы "отстраиваются"

художественные миры. "Субъектность" модернизма ведет к трансформации мимезиса: субъект не просто "механически" отражает реальность, но моделирует ее. Именно поэтому модернизм, в первую очередь, – это радикальное сомнение по поводу мимезиса как способа художественной репрезентации». И далее: «...в модернистской прозе предпринимается позитивная переоценка мифа – миф становится способом моделирования мира».

Однако эти признаки, атрибутированные диссертантом модернистской литературе, характерны еще для романтизма, который обозначил особый период в истории созревания человеческого Я, период, который можно назвать, используя выражение И. Тургенева, «апофеозом личности». Романтический эгоцентризм, постулируемый Дж. Байроном стихом «Мир не был до меня и создан мною», освобождает сознание от пространственной и временной оседлости и продуцирует идеальный хронотоп, «сродни и впору» (Р.-М. Рильке) личностному Я, равновеликому в границах фиктеанской дихотомии не-Я. Это и обуславливает принципиальный отказ от художественного мимезиса и создание «из внутренних глубин духа» (Ф. Шлегель) неомифа, роль которого назначена Новалисом литературной сказке. Поэтому, исходя из сказанного выше, напрашивается необходимая отсылка к романтизму.

2. Автор, ссылаясь на опыт предшествующего эпистолярного романа, пишет (С. 16): «Модернистская проза, по сути, отменила стандартное, линейное течение времени». Но достаточно вспомнить «шкатулочный роман» Я. Потоцкого «Рукопись, найденную в Сарагосе» или полифонический эпистолярный роман У. Коллинза «Лунный камень», не говоря уже о «Герое нашего времени» М. Лермонтова, чтобы усомниться в приведенном диссертантом категоричном утверждении.

3. Можно было бы соотнести индивидуальные установки каждого литератора на характер своей эпистолы с иными сферами их воплощения. К примеру, биографическая установка Д. Хармса в своих письмах повторяется в ином жанровом факте – «Молитва перед сном 28 марта 1931 года в 7 часов вечера».

4. Можно было бы привести свидетельства писательской рефлексии письма как такового в публицистике, дневниках и художественных текстах. К примеру, из цветаевских писем: «Письмо, как некий вид потустороннего общения, менее совершенно, нежели сон, но законы те же» (Б. Пастернаку), «Письмо, оставшееся без ответа, – это рука, не встретившая руки» (из письма А.В. Бахраху), подтверждающие принципиальную безадресность цветаевских писем в стихах «Письмо в бесконечность, письмо в беспредельность, письмо

в пустоту» из стихотворения «Осыпались листья над Вашей могилой...», хотя и посвященного конкретному, но умершему адресату – Петру, брату С. Эфрона, наконец, «письма нужно сочинять» (цитирую по памяти).

5. Вполне удачным в структурно-функциональном плане является введение понятия «эпистолярного компонента» как жанровой вставки, отличной от «образа письма», хотя, с моей точки зрения, можно было бы упоминать по мере исследовательской необходимости парафразированные (автором или повествователем) письма для их сопоставления с наличными. Парафразированные обычно снабжены комментариями. Так, в «Метели» А. Пушкина, как и в «Повестях Белкина» в целом, нет ни одного «живого» письма, но письмо самой Марьи Гавриловны своей подруге-конфидентке и родителям накануне своего бегства из отчего дома сопровождается фразой «запечатав оба письма тульской печаткою, на которой были изображены два пылающих сердца с приличной надписью», а признание Бурмина в любви – пересказ письма Сен-Пре из «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо, что фиксирует в своем сознании Марья Гавриловна. Эти комментарии опосредованно выражают авторскую модальность, шире – подтверждают ироничное отношение Пушкина к современному ему литературному эпистолярию.

6. Можно было бы обозначить жанровые мотивы в целом исповедальных по жанровому стилю писем Онегина и Татьяны. Так, к примеру, в письме Татьяны явно намечена палинодия, т.е. отказ от ранее сказанного: «По сердцу я нашла бы друга, / Была бы верная супруга / И добродетельная мать. / Другой!.. Нет, никому на свете / Не отдала бы сердца я!». И в нем же – визионерский мотив: «Ты в сновиденьях мне являлся...», «Не ты ли, милое виденье...», «Иль сон тяжелый перерви...». И, наконец, письмо Татьяны отсылает к стихотворному жанру героиды. Письмо же Д. Хармса Никандру Андреевичу вполне приложимо к любой из женитьб адресата, и потому персеверация собирает все прошлые и вероятностные свадебные эпизоды и потому является не только пародией на эпистолу, но и пародийной эпиграммой.

Однако эти конкретные замечания и советы имеют рекомендательный характер и не умаляют профессиональные достоинства оппонируемой работы.

Заключение. Диссертационное исследование Кричевского Григория Александровича «Формообразующие стратегии эпистолярной прозы русского модернизма (М. Кузмин, Д. Хармс, М. Цветаева, В. Шкловский, В. Набоков)» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной задачи, имеющей важное значение для литературоведения. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук,

согласно п.2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного Ученым советом РУДН, протокол № УС-12 от 03.07.2023г., а её автор, Кричевский Григорий Александрович, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

профессор кафедры литературоведения и журналистики
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина», доктор филологических наук
(специальности 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации, 5.9.3. Теория литературы),
профессор

Иванюк Б.П.

Адреса и телефон автора отзыва:

ул. Мира 136, кв. 23, г. Елец, Липецкая область, 399770;

дом. телефон: (8)47467-60872:

E-mail: odinal47@mail.ru

Адреса и телефон организации:

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,

ул. Коммунаров, 28, 1, г. Елец, Липецкая область, 399770;

Телефон: 8(47467)21698; эл. адрес: main@elsu.ru